
Геннадий
ПИСКАРЁВ

РУФЬ

Геннадий Александрович Пискарев

Руфь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55722326

Руфь: ПРОБЕЛ-2000; М.; 2019

ISBN 978-5-98604-711-9

Аннотация

Необычная духовность творений Г. А. Пискарёва давно замечена и отмечена читателями. Автор запоминающихся произведений, таких как «По острию лезвия», «Очищение болью», «Крадущие совесть», «Запах креозота» и многих других, в предлагаемой книге «Руфь» поднимается как бы на новую ступень окрылённости, приподнятости над землёй, воспевая в данном случае самоотверженность и чудодейственность женской ниспосланной Богом любви.

Содержание

От автора	6
I. Так надо	8
II. Свет Богородицы	14
III. Летящий поезд	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Геннадий Александрович Пискарёв Руфь

Моей суженой посвящается...

© Пискарёв Г. А., 2019

* * *

*Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души.
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смирятся во мне волненье жизни ложной,
Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в неё могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик желанный и любимый
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.*

Генрих Гейне в переводе А.К. Толстого

*О, судьбы серебряные нити!
Ни одной из вас я не порву.
А, напротив, сердцем к вам приникну,
Жизнь вторую с вами проживу.*

Г.А. Пискарев

От автора

Наказ

«О любви немало песен сложено...», но, наверное, каждый живущий на брэнной земле человек готов спеть нам ещё и ещё одну. Из классики мы знаем: ей, любви, – «все возрасты покорны», и что за неё отдают влюблённые всё, что можно отдать.

Но знает каждый из нас и то (не только из классики); нередко сакральное чувство становится предметом далеко не Соломоновых песней, а мерзких анекдотов и похабных стишков. Не раздумья ли на эту тему вырвали у великого духовидца Александра Куприна такие, быть может, экстравагантные, но искренние слова: «...Любовь имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов».

О тех, кто поднялся на эти вершины, и попытаюсь пропеть ещё одну песню. И в первую очередь о женской любви – любви всепоглощающей, беззаветной, примером которой стала для человеков ветхозаветная Руфь.

«Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдёшь, туда и я пойду, и где жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом...» Это речение Руфи – моавитянки, оставившей племя своё, принявшей душой и сердцем родину му-

жа-чужеземца, возлюбившего свекровь, как родную мать, – ключ к пониманию смыслов моей новой книги, на первый взгляд, глубоко личной, интимной.

Но ведь и «книга Руфи», помещённая в Святом писании одной из первых среди благих повествований о библейских женщинах, – тоже, как будто, такая же. Но её откровения, по воле Божьей, всему человеческому роду – пример и наказ: «Никто из вас да не мыслит в сердце своём зла против ближнего своего, и ложной клятвы не любите».

Сказано это, заметим, задолго до рождества Христова, когда в мире царила далеко не любовь, а закон Моисея: око за око, зуб за зуб. Бесподобен, велик подвиг моавитянки Руфи, первой женщины на земле, что искупила, пожалуй, своей любовью первородный грех – соблазна Адама, свершённый Евой посредством коварного Змея.

Интересно? Ещё как! Особливо, когда происходит подобное в собственной жизни...

І. Так надо

Кровать, железная, никелированная с пружинно-проволочным матрацем, с поверху накинутой из куриного пуха периной, стояла в углу крашеной голубой, от времени потемневшей, масляной краской деревенской избы. Стояла загороженная от прямого света, лившегося из окон, напольными часами, что были заключены в самодельный футляр, сработанный местным умельцем – плотником. Ложе кровати упиралось в заднюю стену комнаты, где рядом находилась и входная дверь. Через неё можно было выйти в сени, называемые здесь мостом, на крытое тёсом крыльцо, скотный двор, в сенной придел – по-тутошнему – повить. Обратным образом осуществлялась связь и с жилым помещением.

Но о кровати. На тот момент, ранним, ранним утром, развежившись от сновидений, возлежала на ней прекрасная панночка. Щёки её рдели румянцем, она очаровательно улыбалась во сне. И вдруг её безмятежность сменилась испуганной дрожью. Кто-то, склонившись над постелью, близоруко всматривался в молодую женщину, пытался пальцами провести по милому личику.

Скрипнула дверь. В проёме появилась хозяйка дома.

– Анна, ты что тут забыла?

– Прости, Марья, – послышалось в ответ. – Неужель и правда, невестка к тебе приехала. Это она?

– Она, она, Анна.

Медленно, как в киношном фокусе, Анна, отклонилась от молодой, повернулась к выходу, из её «бизых» глаз капали слёзы.

Таковым оказалось первое утро моей жены, Татьяны Дмитриевны (в девичестве Скрицкой, а теперь Пискарёвой) на родине её мужа, исконного русича, то есть меня. Куда приехала она, генеральская дочка, с корнями, уходящими по отцу в глубь шляхтских бунтарских родов, а по матери – в элитарные круги терского казачества и чеченских богатых тейпов.

Анна, рискнувшая на рассвете удостовериться в правоте слухов, что к Марье-Пискарихе приехала москвичка-невестка, вынужден признаться, была первой любовью моего отца (мать рассказала). Да, Баханиха, – это прозвище Анны, а в деревне оно значило и употреблялось больше и чаще, чем фамилия или имя по «метрике», была «бизой» – близорукой – щурилась, что и придавало ей какой-то притягательный шарм. Ну как раскосость «первой русской красавицы» Натальи Гончаровой – супруги «первого русского поэта» А.С. Пушкина. Отец даже сватался к Анне. И получил отказ. Причина? Внешне – лишение ряда гражданских прав, в частности, избирательного права моего деда по отцу, объявленного кулаком. Но не вредным, потому не выселенным.

Отец мой, Александр, погиб в войну. А Баханиха так ни за кого и не вышла замуж. Как и моя мать – после отцовской

похоронки. Жила Баханиха бобылкой в своём доме, одевалась, вела себя по-старушечьи. А я помню: в детстве, возвращаясь в пургу из соседней деревни домой, замерзший, я сунулся отогреться в первую хату. Ею оказалась Баханихина. Дело происходило ночью, но двери в домах у нас в деревне не запирались. Однако, чтобы не разбудить хозяйку, я пробрался в комнату тихо. Смотрю: Анна в роскошном платье перед иконами и зеркалами со свечой в руках стоит – величественная, красивая...

Боже! Дай силы понять деянья и сокровенные думы людей. Хотя бы некоторых по первости. Отца моего, например, кулацкого сына, загулявшего после обрушившихся на деревню коллективистских перемен и женившегося на дочери Варьки-пролетарки – Марье, т. е. моей будущей матери. По поводу чего его батька – «тятя» по-деревенски – и мой дед Николай, валялся в грязи перед часовней и славил Господа за то, что Сашке-то, сыну беспутному, такую бабу дал.

Когда-то об отце написал я стихи:

*Опять запил Сашуха Пискарёв,
Дрожит жена, посуда, хата.
Гремят слова из сотни слов:
«Вся власть в руках пролетариата!»*

*А вот вчера лишь комиссар,
Изрядно выпив за обедом,
В Магнитогорск решил сослать*

«Середняка», Боноку – деда.

*С часовни купол, что кочан,
Был сброшен, между прочим, к разу,
И чёрный ворон по ночам
Людей увозит по доказу.*

*Отец! Тех лет суровый перегиб,
Дивлюсь, не взял тебя за жабры.
Тебе везло,
хоть ты погиб,
Но на войне
и смертью храбрых.*

*Тебя, хватившего «сырца»,
В крошечном орудийном гуле
Вдали от дома, от крыльца
К сырой земле пришило пулей.*

*Упал, заснул, как от вина,
И встать не хочешь, будто стыдно.
...Отец, вставай! Твоя жена
Уж не ругается обидно.*

*Она так ждёт тебя, отец.
Мне жаль её: она же плачет.
И я подрос. Я, твой малец,
Ведь ты хотел со мной рыбачить.*

*Родимый край. Родимый дом.
Досчатый стол, скамья, полати...
Отец, давай в него войдём.
А пить не будем, правда, батя?*

*Разве на то дана нам жизнь.
А перегибы? – Ну, их, право.
Отец! Отец! Но нет, ты спишь,
Довольствуйся посмертной славой.*

А как осмыслить судьбу и деяния тётки Анны, кончившей дни свои у дальних родственников в городе Рыбинске Ярославской области, консультировавшейся со мной перед отбытием: «Можно ли прожить на тридцати пяти рублёвую «колхозную» пенсию на всём купленном в городе?» Тётка Анна! Величайшая гордячка, пролившая горькую слезу на пороге дома, быть может, соперницы своей – Марьи. Той, беззаветной, что возвеличилась чистотой, бескорытием, самоотверженностью сердца своего. И... благородством невестки Татьяны – ветхозаветной Руфи, чудесным образом проявившейся во плоти моей суженой.

Тётка Анна считала гроши в предсмертные годы: 14 копеек – на мыльце; гривенник в день – на булочку; не пожалеть рублика, можно и колбаски чайной покушать... А мать моя доживала дни свои в столичной квартире, пенсию клала на книжку, о деревне тосковала ужасно, но... Читала вместе с невесткой «Письма о расколе» Мельникова-Печёр-

ского. Только что напечатанные в восьмитомнике издательством ЦК КПСС «Правда», где работал её сын, т. е. я. Я, окончивший недавно Высшую школу при Центральном комитете Компартии Советского Союза, по рождению, как истинно русский человек, крещённый. В отличие от своей жены. Её крестили после замужества, в деревне, тайком от меня, партийца, дабы не повредить карьере. Смиренно, да нет – с любовью, и благоговением, приняла крещение любимая моя, в крови которой каких только компонентов не было, каких верований не гнездились в душе.

Ох, понять бы, распутать верёвочку, свитую Господом Богом. Да не хватит, наверное, ни ума, ни времени для этого на грешной земле. Остаётся верить: так надо.

Да простят меня Силы Небесные, – «Так надо», – сказал когда-то мой товарищ Иван Фотиевич Стаднюк, автор «Максима Перепелицы», приехав в своё родовое село на Житомирщине из столицы в военной форме с полковничьими звездами на погонах. До этого его знали там как гражданского человека. Воевавшего, правда, но в звании солдатско-сержантском.

Стаднюку в мирное время дали старший офицерский чин за патриотические произведения. Так надо.

Так надо... Что-то в этом словосочетании вызывает улыбку. Но ведь в улыбке Бог.

II. Свет Богородицы

Поведанным выше эпизодом знакомства жены моей с деревней и жителями её, понятное дело, не ограничивалось.

Стояла весна, цвела черёмуха. Со стороны устья реки Тебзы, впадающей за нашей деревней в Костромку, из непролазных зарослей плыл терпкий аромат пенных соцветий.

Заканчивалась копка огородов. Селяне спешили закончить это весеннее дело «за погоду», когда, как известно, день год кормит. Однако в то утро, они, похоже, забыли об этом, предпочтя хлебу зрелище. Сгрудившись на пригорке, как с трибун «Колизея», они глазели на «арену» – наш приусадебный участок. Где вместе со свекровью и мной, разумеется, копошилась с лопатой и невестка. Москвичка! Для моих земляков поступок сей находился выше их разумения. Родные дети, а девчонки особенно, всячески отлынивали от этого нелёгкого труда.

На расстоянии зрителям не было заметно, что новоявленная огородница понятия не имела об искусстве вскапывания заступом грядок. Она просто втыкала его в сырую, тяжёлую землю и, используя рукоятку лопаты, как рычаг, отваливала толщенный пласт почвы вперёд. В то время как следовало бы этот пласт, но не толщенный, а тоненький, поднять вверх, перевернуть в воздухе и сбросить вниз, успев на лету раскрошить его.

Свекровь, прекрасно понимая, что работу помощницы придётся переделывать, нашла-таки деликатный выход из создавшейся ситуации. «Танечка, – ласково обратилась она к невестке, – что-то руки у меня поослабли. А надо бы навоз потаскать в огород. Может, с Геннадием вы это сделаете, пока я докапываю грядку».

Какой разговор! Мы приступили к новой работе: грузили на носилки из навозной кучи, что дымилась за двором нашего дома, весьма ароматное месиво, вприпрыжку таскали его к месту последнего назначения.

Эта картина, по-моему, доконала обывателей окончательно. Их, да простится мне не приличествующий торжественности момента современный молодёжный сленг, – заколбасило.

Жена моя стала в родной округе легендой. Её чуть ли не боготворили мои двоюродные братья (родных не имел), тётки (дядей тоже не имел: все шестеро погибли на фронте). Так вот, муж одной из отцовских сестёр (я поведаю её – также Руфью долю – попозже) Павел Жиганов – фронтовик, танкист, жжёный, резаный, ни бога ни чёрта не боящийся, млел при виде Татьяны, вежливой, тихой, но постоянно излучавшей будто бы иконописный свет Богородицы. Он отставлял в сторону недопитый гранёный стакан с водкой, переставал «лаяться» естественным для него матом – замирал. И это человек, вышедший из адского пекла войны, где после боёв с супостатами скрюченными голыми руками очищал нередко гу-

сеницы своей «тридцать-четвёрки» от кишок, мозгов и дерьма подавленных им, только что ещё дышавших тварей.

А тётка Нюра, у которой однажды мы переночевали, не сомкнула вместе с мужем Колей за всё это время глаз. Почему? Ответ в простодушном, но трепетном вопросе их ко мне поутру: «Генк, а она до ветру-то ходит?»

...Кузен мой, Яблоков Толя, стащив у тёщи своей в соседней деревне Ощепково бутылку самогонки, устраивается в железнодорожном кювете с вожделенным намереньем – опохмелиться. Тут-то и замечаем его мы с женой, пришедшие к пригородному поезду, дабы отправиться в райцентр. Толя, уже поднёсший было к губам живительную мутную смесь, цепенеет. Лишь рука со стаканом непроизвольно тянется к Татьяне. И та берёт ёмкость – выпивает содержимое. Толя оживает, вновь булькает в опустошённую «полторашку» – протягивает мне. Пью и я.

Прибывает наш поезд. Мы спешим на посадку. Толька бежит следом и, плача, кропит следы Тани остатками столь драгоценного для него напитка.

Летом мы снова решили приехать к матери – на «Смоленскую». Это престольный праздник, отмечающийся у нас ежегодно 10 августа. И вот мы на полустанке «Бродни», от которого до деревни около трёх километров. Мы шли по росистой луговой тропинке, не замечая, что вслед идёт «парочка» постарше нас, сошедшая с того же поезда, в котором ехали и мы. Столкнулись с незнакомцами у ворот в деревню, когда

пытались вытащить из огородного прясла жердину-засов.

Меня чуток обескуражило, что незнакомец-мужчина уж слишком «сверлит» глазами мою жену. Да и попутчица его не стеснялась собственного неприкрытого любопытства.

В тот же день мы узнали: к Авдотье и Ивану Маховым (они жили на краю деревни) впервые за 25 лет приехали в гости их старшая дочь Екатерина с законным мужем.

Катя распрощалась с родными местами после войны, попав по спецорганбору в Москву (тогда не очень людную), стала одной из домработниц, кажется, у маршала Василевского. Вышла замуж за младшего лейтенанта из охраны полководца.

Тётка Авдотья поначалу ездила к дочери (после того, как за самогонование отсидела год в колонии, ездить перестала). По возвращении из столичных странствий по ту пору она без зазрения совести «заливала», что бывала не только в Мавзолее – Кремле, пивала чай с самим Сталиным.

О, как! Но есть и факт: через 25 лет Екатерина навестила мать. Навестила отца, инвалида. Инвалида войны первой группы. И будто бы только после получения тётки Авдотьиного материнского письма о чудо-невестке Марюхи Пискарихи.

Говорят: ближе к церкви – злее черти. Может быть, может быть... Подползали они и к Татьяне. А чего? Кто она есть, если живёт, как бы это сказать, не знамо с кем, что ли.

Нечестивые, неразумные. Понимаете ли, вы истинный

смысл вразумления библейского мудреца Экклезиаста:
«Горчее смерти женщина... Добрый перед Богом спасётся от
неё, а грешник уловлен будет ею».

III. Летящий поезд

Она была (именно была, т. к. жена моя скончалась шесть лет назад) моложе меня на 9 лет. Как нас свёл вместе Господь? Неисповедимо, но порою мне кажется, что голос её приходилось мне слышать в ранние студенческие годы, когда проезжал по Гончарной набережной Москвы в сторону Ярославского вокзала. На этом маршруте, у Таганки, с крутизны Народной улицы зимой на санках каталась разноголовая ребятня. «Да-да, я тоже делала это», – рассказывала мне Татьяна потом. Мне думается, что я даже видел её: по окончании МГУ, во времена работы в областной Калужской газете. По журналистским делам мне надо было встретиться с генерал-лейтенантом Рослым, бойцы которого штурмовали в начале мая 1945 года – рейхсканцелярию Гитлера. Один из них Никита Егоренков, сбивший паучью свастику над логовом, был тогда жив и жил в Калужской области, где и познакомился с ним я.

Рослого довелось увидеть в окружении отставных военачальников, в скверике на Гончарной набережной – фронтовики играли в домино. Рядом на лавочке сидела девчушка, до которой мне не было никакого дела. А ведь, возможно, то и была Татьяна, пришедшая со своим отцом – генералом авиации, – к боевому товарищу, проживавшему в соседнем доме. «Ну, почему, если это была ты, не обратил на тебя вни-

мания тогда?», – допытывался я у любимой своей после свадьбы. «Не на что ещё было внимание обращать», – отвечала она.

Но обращал ли внимание я на других? Обращал. Ещё как. Вот и свидетельство этому – стихи, написанные в разные годы, частично опубликованные. Есть смысл привести их, кое-где что-то пояснив.

В детские годы мои, годы первоклассные, бытовала среди нас такая игра – загадка, сутью которой являлся ребус. Задаешь, например, соседу или соседке вопрос: «Можешь назвать город, состоящий из одного мальчика и ста девочек?» И если слышишь в ответ: «Севастополь», – кричишь: «Точно!» Сева – мальчик, сто Поль – девочки. Соединённые Сева и сто Поль превращаются в «Севастополь».

По аналогии «7 я» – становится семьёй, если цифру «семь» написать буквами и к ним пододвинуть «я».

Эти нехитрые головоломки родили, помнится, моё первое стихотворение про любовь к девочке Зое. Вот оно, именованное «Наваждением».

Итак:

*Тридцать я – 30 я.
Наваждение, друзья,
30 я кружатся вихрем.
Буйство! Как унять такое?
Пододвинул букву к цифре —
Получилось имя: Зоя.*

*Имя Зои Чистяковой,
Ах, какой я всё ж толковый!
Зоя, Зоенька – одна!
И красива, и умна.*

*Мне не надо тридцать Зой!
Мне достаточно одной.*

Зоенька Чистякова – платоническая первая детская любовь моя, она шла за мною всю жизнь вплеталась в чувства, что, можно увидеть во многих следующих творениях моих. Она утихомирилась лишь после сближения с Татьяной, сближения духовного и плотского, грань между которыми слившись с суженой, я уже не мог определить.

...Белый, белый песок моей родной речушки Костромки. Не знойное солнце, тугой ветер, несущий запах разнотравья, леса и василькового ржаного поля, что спускается с крутого пригорка к речке – чистейшей-чистейшей, воду которой, не боясь заболеть, в детстве мы пили с ладоней. В радостном полёте стрекозы и бабочки. И мы с Татьяной, распластавшись на траве, растворённые в природе – в Боге. Она, обнажённая, сошедшая как бы с лучших картин выдающихся живописцев, поглащает меня в неистовом трепете – божественно, чудно, естественно, нестыдно и прекрасно.

Этот пламень любви её воскрешал меня не раз к жизни, казалось бы уже обречённой, – после шунтования сердца, резекции поражённого раком желудка, когда она, прорвавшись через заслон врачей, на следующий день после опера-

ции, сделанной в ЦКБ («Кремлёвке»), покрывала запёкшиеся губы мои и искажённое лицо животворными поцелуями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.